

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. В.П. АСТАФЬЕВА
(КГПУ им. В.П. Астафьева)

Филологический факультет
Кафедра мировой литературы и методики ее преподавания
Шляхтина Наталья Сергеевна

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

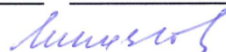
Эволюция топоса «жертвы» в творчестве А.П. Платонова
(середина 1910-х – начало 1930-х годов)

Направление подготовки 44.03.05 «Педагогическое образование»
Профиль «Русский язык и литература»

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ

Зав. кафедрой:
доцент, кандидат филологических наук
Липнягова Светлана Геннадьевна

« 25 » 05 2016 г.

Руководитель:
старший преподаватель кафедры мировой
литературы и методики ее преподавания

Горбенко Александр Юрьевич

« 25 » 05 2016 г.

Дата защиты: 22.06.2016

Обучающийся: Шляхтина Н.С.

Оценка _____

Красноярск
2016

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	2
Глава 1. Топос «жертвы» в раннем творчестве А.П. Платонова	6
1.1. Литературно-исторический контекст.....	6
1.2. Мотив жертвенности и образы жертв в ранней публицистике.....	11
1.3. Тема жертвенности в ранних рассказах.....	21
Глава 2. Топос «жертвы» в зрелой прозе А.П. Платонова	26
2.1. Мотив жертвенности в малых жанрах.....	26
2.2. Мифологема «строительной жертвы» в романе «Чевенгур».....	30
Глава 3. Мифологема «строительной жертвы» в повести А.П. Платонова «Котлован»	36
3.1. «Строительная жертва» в повести «Котлован».....	36
3.2. Методическая разработка: план-конспект урока по повести «Котлован» для 11 класса.....	42
Заключение	46
Список использованной литературы	50
Приложения	57

ВВЕДЕНИЕ

Общеизвестна традиция своеобразного отторжения, «выталкивания» Платонова из литературного процесса, пришедшегося «не ко времени» и «погибшего» в непонимающей его и не близкой ему эпохе. Общим местом является также представление о том, что автор «Чевенгура» создал некую странную художественную систему, «страну без соседей», где царствует его «больной дух», раздираемый внутренней дисгармонией.[Белякова; Глушкова 2006: 220].

Самые значительные произведения А.П. Платонова – повесть «Котлован» и роман «Чевенгур» – не были опубликованы при жизни автора. Говоря языком своей эпохи и пытаясь отобразить и осмыслить исторические процессы, А.П. Платонов прибег к неомифологизму. Исследователи его творчества (Ханс Гюнтер [Гюнтер2012: 62], О. Калениченко [Калениченко2000: 600], Е.Н. Проскурина [Проскурина2015: 136] отмечают присутствие в повести «Котлован» мифологических структур. В «Котловане» и «Чевенгуре» одной из таких структур становится мифологема «строительной жертвы».

«Строительная жертва» – одна из этнографических универсалий, зафиксированная у народов всего мира. По словам Д.К. Зеленина, существует множество преданий о людях «замурованных в фундаментах или стенах разных построек <...>. Строительные жертвы предназначались, прежде всего, для того, чтобы обеспечить прочность и долговечность постройки[Зеленин2004: 148].

Мифологема «строительной жертвы» активно присутствует в литературе на протяжении многих веков, предельно актуализируясь в XIX–XX вв. Различные варианты реализации этой мифологемы обнаруживаются в творчестве Н. А. Некрасова (стихотворение «Железная дорога»), Ф.М. Достоевского (роман «Братья Карамазовы»).

Платонов входил в литературу в эпоху, своеобразие которой определялось такими «взрывными» (в терминологии Ю.М. Лотмана) событиями как революция, гражданская война, коллективизация, строительство социализма. Интеллектуальная атмосфера эпохи 1910–1920-х была «пронизана» утопизмом. Неудивительно поэтому, что на художественную систему Платонова, как это многократно подчеркивалось исследователями его творчества, значительное влияние оказала «философия общего дела» Н.Ф. Фёдорова, в которой центральное место отводится идее жертвенности.

В нашей работе рассматривается эволюция топоса «жертвы» в творчестве А.П. Платонова на материале художественных и публицистических текстов писателя 1917–1931 гг. Под «топосом» мы, вслед за В.Ю. Прокофьевой, понимаем «общее место», набор речевых формул, а также общих проблем и сюжетов, характерных для той или иной национальной литературы [Прокофьева 2005: 89].

Целью дипломной работы является комплексное изучение эволюции топоса «жертвы» на различных уровнях поэтики творчества А.П. Платонова (с 1917 по 1931 гг.).

Данная цель предполагает следующие **задачи**:

- 1) на материале художественных и публицистических произведений А.П. Платонова 1910-х гг. выявить топос жертвенности и образов «жертв»;
- 2) выявить логику и контекст эволюции топоса «жертвы» в творчестве Платонова 1910–1920-х гг.;
- 3) определить функции мифологемы «строительной жертвы» в поэтике романа «Котлован» и повести «Чевенгур».

Научная новизна работы состоит в комплексном анализе мифологемы «строительной жертвы» и – шире – рассмотрении эволюции топоса «жертвы» на разных поэтологических уровнях творчества А. Платонова в социокультурном контексте эпохи 1910 – начала 1930-х гг.

Материал исследования составляют публицистические статьи «Ленин», «Душа мира», «Вечная жизнь», «Великая работа», «Происхождение труда», «Жизнь до конца», «О религии», «Христос и мы», «Новое Евангелие»; рассказы «Потомки солнца», «Маркун», «Родина электричества»; повести «Усомнившийся Макар», «Впрок», «Котлован»; роман «Чевенгур».

Предмет исследования – мотивы, темы, образы, репрезентирующие топос «жертвы» в творчестве А.П. Платонова 1917–1931 гг.

Объект исследования – художественные и публицистические тексты А.П. Платонова 1917–1931 гг.

Теоретический фундамент дипломного исследования составляют историко-культурные и этнографические работы, посвященные исследованию «строительной жертвы» в ритуально-мифологическом аспекте (Д.К. Зеленин, Вяч.Вс. Иванов, А.К. Байбурин); труды по мифопоэтике (Е.М. Мелетинский, В.Н. Топоров, В.Е. Ветловская) и славянской мифологии (В.Я. Первухин); работы о творчестве А.П. Платонова О. Калениченко, Х. Гюнтера, И.Н. Белякова, М.М. Пушкова, К. Баршта, А.Шубина, Л.П. Фломенко, Х. Костова, С. Муминова, Е.Н. Проскуриной, Н.В. Ковтун, А. Кулагиной.

Дипломная работа состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка, включающего 57 наименований и приложения.

ГЛАВА 1. ТОПОС «ЖЕРТВЫ» В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ

А.П.ПЛАТОНОВА

1.1. Литературно - исторический контекст

Судьба русской литературы XX века была весьма трагичной. Её развитие после 1917 г. оказалось насильственным образом трансформировано и протекало в трёх основных руслах: литература русского зарубежья (И. Бунин, И. Шмелев, В. Набоков и др.), литература, официально не признанная советской властью (А. Ахматова, М. Булгаков, А. Платонов и др.), русская советская литература, по преимуществу социалистического реализма (Н. Островский, Ф. Гладков и др.).

Несколько поколений читателей выросли под мощным идеологическим прессом. С помощью различных государственных способов управления, им внушалось, что такое художественная литература и каково ее место в духовной жизни человека. Большую роль сыграла школа, в которой многие произведения были отменены. Лишь к концу века был начат процесс реставрации.

Литературный процесс 1917–1929 гг. можно разделить на три этапа. Первые годы после Октябрьской революции – осмысление происшедших времен, ориентация в новой действительности. Этот этап завершается «великим исходом» в эмиграцию, и отечественная литература оказывается разделенной далеко не только территориально.

Следующий этап – годы НЭПа, кризисный характер восприятия действительности. В то же время – углубление анализа, расширение тематики. Во второй половине 1920-х гг. тенденции политики новой власти проявляются полностью. Все активней ведется наступление на свободу творческих поисков. Любое несоответствие идейным установкам объявляется враждебным социалистическим идеалам.

Резко различаются между собой не только произведения писателей советской страны и русского зарубежья, но и писателей советской ориентации и художников, чье творчество не подчинялось идеологическим требованиям. Их произведения запрещались или не допускались в печать. В случае издания резко критиковались, а их авторов обвиняли в политической неблагонадежности. Среди таких писателей были М. Булгаков, А. Платонов, Е.Замятин, И.Бабель и др. [Гордович2003: 59–60].

Время 1917–1920 гг. Для русской литературы, как и для русского народа, отмечено, прежде всего, трагическими событиями – революцией и гражданской войной. В литературе усиливается тенденции демократизма, романтический пафос борьбы, подвига, справедливости. Новая экономическая политика способствовала не только быстрому развитию экономики, но и строительству новой культуры – социалистической.

Бросающаяся в глаза особенность литературы 1920-х годов, которая заключается в том, что на первом месте стояло изображение народа, народных масс [Скороспелова2003:39].

Понимание и принципы изображения человека массы менялись на протяжении 20-х годов. Известно, что в первые послеоктябрьские годы в творчестве прозаиков героико-романтической ориентации человек растворялся в массе, исчезал из неё, был самой массой. Принцип деиндивидуализации, выражал одну из существенных сторон бытия человека из народа тех лет: он выступал как воплощение исторической активности всего народа, как воплощение исторического творчества масс в эпоху социалистической революции [Фоменко 1985: 4].

В литературе начала XX века возникает интерес к фантастическому, утопическому и антиутопическому. Утопии появились в сознании народа еще в Древней Руси. Однако с началом XX утопия переосмысливается и меняет свою сущностью.

1917 год осознается современниками прорывом в будущее, скачком через время. Утопия уже не просто литературный метажанр, утопизм – ведущая черта общественного сознания. «В первое десятилетие Октября социалистические утопии воспринимались как абсолютная, не подлежащая сомнению реальность завтрашнего дня». Народно-религиозная и интеллектуальная линии становления метажанра вновь сплавлены, но неволей художника, а самой действительностью. Сегодня и завтра максимально близки, что резко понижает горизонт утопии. Все надежды, планы концентрируются в пределах одного поколения. Можно говорить об одном целом постреволюционном утопическом направлении чувств и умов, которые наиболее взволнованно выражала поэзия [Ковтун2014: 71].

Авторы многих работ особое внимание уделяли изображенному в произведениях обществу, а не своеобразию жанра, некоторые черты антиутопической литературы ими определены. Как правило, антиутопия показывает мир у рубежа, за которым следует «последний час природы». Но авторы не запугивают читателей, не создают впечатления фантастически неизбежной катастрофы. Общество в антиутопии держится за счет единодушия граждан, единства их коллективистских представлений, добровольного участия в ритуалах. В антиутопиях жизнь общества показывается изнутри. Утопия опровергается не логическими рассуждениями, а доведенным до абсурда самих идей [Гордович2005: 259].

Одним из самых значительных утопистов XX века является Е. Замятин. Роман «Мы» полемически направлен против пролеткультовской поэтизации машин, увеличения идеи равенства. Писатель акцентировал внимание на одинаковости – в жилищах, в одежде, в мыслях, – обезличивании внутренним и внешним. Пугала не только запрограммированность поступков и желаний, но и отсутствие возможности иного, альтернативного взгляда.

В повести М.А. Булгакова «Роковые яйца» (1924) содержится предупреждение о возможных трагических последствиях безответственного

использования науки и создания всевозможных утопических проектов [Гордович2005: 64].

Ещё один «рыцарь революционных идей», переживший горечь разочарований в них, – А. Платонов. Не увидели света при жизни писателя главные его книги – «Чевенгур» (1929), «Котлован» (1930), «Ювелирное море» (1934), в которых не проектировалась модель будущего общества, но осмысливалось уже достигнутое. Выдвигая гротескно заостренную, но вполне реальную жизнь за искомый идеал, писатель заставляет усомниться в самом идеале. В произведениях А. Платонова, как и у Е. Замятина, объектом сатиры становятся принципы, лозунги, лежащие в основе преобразований [Гордович2005: 260].

К концу 1930-х годов в русской прозе советской эпохи сформировался ряд художественных миров, обладающих известной целостностью. Наиболее значимы из них экзистенциальная модель мира, образ советского Космоса, образ крестьянского Космоса; художественный мир, выражающий "поющее и рыдающее славословие" бытию. В творчестве Е. Замятина, А. Платонова, Г. Газданова, Б. Поплавского, М. Булгакова, В. Набокова были определены контуры мира, отвечающего экзистенциалистской концепции бытия, позднее оформленной в философии экзистенциализма [Скорospelова2003:39].

Основой экзистенциальной модели мира становится ощущение кризиса, существование на границе жизни смерти, а объектом и субъектом художественного исследования становится жизнь человеческого сознания, противопоставляющего себя абсурдности и всеобщей относительности бытия. 1930-е годы – это десятилетие апофеоза советской идеомифологической системы, создавшей образ советского Космоса, путем перенесения исторической реальности во внеисторическое мифологизированное пространство, включающее в себя неотчужденное от него человеческое «я». В этом мире жизнь утверждается как самопожертвование. Одной из сверхзадач феномена советского Космоса

заклучалась в противостоянии экзистенциальной модели мира [Скороспелова2003:40].

Неомифологическое сознание – одно из главных направлений культурной ментальности XX в., начиная с символизма и кончая постмодернизмом. Неомифологическое сознание было реакцией на позитивистское сознание XIX в., но зародилось оно уже в XIX в. Суть неомифологического сознания в том, что, во-первых, во всей культуре актуализируется интерес к изучению классического и архаического мифа. Во-вторых, мифологические сюжеты и мотивы стали активно использоваться в ткани художественных произведений [Руднев1997: 184].

Начиная с 1920-х гг., времени расцвета модернизма в литературе, практически каждый художественный текст, прямо или косвенно строится на использовании мифа. Чрезвычайно характерным является то, что в роли мифа, «подсвечивающего» сюжет, начинает выступать не только мифология в узком смысле, но и исторические предания, бытовая мифология, историко-культурная реальность предшествующих лет, известные и неизвестные художественные тексты прошлого. Текст пронизывается аллюзиями и реминисценциями. И здесь происходит самое главное: художественный текст XX в. сам начинает уподобляться мифу по своей структуре.

Основными чертами этой структуры являются циклическое время, игра на стыке между иллюзией и реальностью, уподобление языка художественного текста мифологическому предъязыку его «многозначительным косноязычием». Мифологические двойники, трикстеры–посредники, боги и герои заселяют мировую литературу – иногда под видом обыкновенных сельских жителей. Порой писатель придумывает свою оригинальную мифологию, обладающую чертами мифологии традиционной.

В послевоенное время к неомифологизму привыкли, и он обмельчал, став уделом таких примитивных построений. Постмодернизм оживил неомифологическое сознание, но одновременно и «поставил его на место»,

лишив его той сверхценной культурной роли, которую он играл в середине XX века [Руднев1997:186].

Таким образом, определяющими событиями русской истории первой трети XX в. стали гражданская война, революции, коллективизация и индустриализация. В рефлексии русской литературы этого периода над историческими событиями активно актуализируются элементы архаичных мифов, образуя неомифологизм как специфическую черту литературных текстов. Характерной чертой литературы становится также изображение масс и решение проблемы взаимодействия отдельной личности и массы. Так, Андрей Платонов, изображая героев своей эпохи, лишает их всяческих индивидуальных черт (герои лишены портретов, отсутствует описание их внутреннего мира). Все персонажи объединены общими идеями, и путь к воплощению этих идей лежит, как правило, через жертву. В первую очередь, это жертва труда, которая будет фигурировать в творчестве писателя на протяжении нескольких десятилетий.

1.2. Мотив жертвенности и образы жертв в ранней публицистике

Революция, гражданская война, коллективизация и строительство социализма требовали самоотдачи в национальном масштабе, которую продуктивно рассматривать в перспективе ритуально-мифологических жертвоприношений. Но если в календарных обрядах с течением времени человеческие жертвы были замещены чучелами или ветками деревьев, то XX век был беспощаден и требовал всё новых кровавых жертв, о которых повествуется в прозе Платонова: буржуазия уничтожается во имя пролетариев; чевенгурцы, расстреляв гидру контрреволюции, гибнут от шашек и пуль казаков и кадетов; кулачество обрекается на гибель – ради колхозов; капитализм – для процветания социализма [Кулагина2000:354].

Начиная исследование текстов А.П.Платонова, следует короткоостановиться на таких фигурах, как Н.Ф. Фёдоров, А.А. Богданов и К.Э. Циолковский, оказавших существенное влияние на творчество писателя.

Общим местом в платоноведении является констатация влияния на Платонова философии Николая Фёдорова(1828–1903). Первым о его идеях в повести «Котлован» в 1970 г. написал американский исследователь А. Киселёв. В Англии в 1982 году вышла книга А. Тески «Платонов и Фёдоров». При этом главным предметом изучения стал федоровский утопизм, строящийся на идее борьбы со смертью и на утверждении живые морального долга живых перед умершими, ведущего к необходимости воскрешения «отцов» (предков), т.е. патрофикации. Все эти положения фёдоровской концепции принципиально важны и для Платонов.

С идеей бессмертия тесно связаны не только идеи «супраморализма», т. е. долга живых перед всеми умершими, но и соборная идея философа, согласно которой человечество должно объединиться именно ради воскрешения предков. Повышенная роль человека во Вселенной в утопии Фёдорова привлекала не только Платонова, но и значительный ряд мыслителей начала века, которые составили целое направление отечественной мысли –космизм[Заваркина2014: 513].

В рецепции Платоновым идей Федорова прослеживается характерная динамика. Чем более писатель отходил от юношеского пролеткультовского утопизма, тем ярче выступали глубинные пласты проблематики памяти. Как пишет Ханс Гюнтер, «"Философия общего дела" остается настольной книгой Платонова, но происходит значительная смена доминант – перемещение акцента с утопического космизма на осмысление роли памяти в развитии послереволюционной России. Если взгляд молодого энтузиаста был устремлен в будущее, то уже к середине двадцатых годов писатель понимает гибельность такого одностороннего подхода» [Гюнтер2012: 42].

В художественно-философской концепции человека А. Платонова одной из главных стала проблема познания истины. В творчестве начала

1920-х годов вопрос об истинном научном знании был вызван, в том числе и знакомством писателя с идеями теоретика Пролеткульта, известного философа-марксиста А.А. Богданова(1873–1923). Глубокий интерес молодого Платонова к «всеобщей организационной науке» (тектологии) А. Богданова рассматривался исследователями преимущественно на материале творчества писателя 1920-х годов. По Богданову, содержание жизни составляют «организация внешних сил природы, организация человеческих сил, организация опыта», а успех строительства социализма зависит, в том числе и от успеха научной организации труда. Богданов считал, что первым шагом на пути к «организационной науке» является «организационная философия» – эмпириомонизм («единство опыта», «единая точка зрения на мир»). Главным методом «организационной науки» Богданов называл индукцию, имеющую «три основные формы»: «обобщающе-описательную, статистическую и абстрактно-аналитическую». Позже, в статьях 1918 г., объединенных под названием «Социализм науки», А. Богданов продолжит разговор о методах, которыми наука «вырабатывает себе истину». Он назовет науку «организованным общественно-трудовым опытом», который берет свое начало от «элементарно-грубых технических приемов», т. к. «царство познания выросло из царства труда». Таким образом, трудовой акт составляет первый уровень научного мышления, он дает «практическое обобщение» действительности [Заваркина2014: 514].

Влияние космизма на Платонова шло не только непосредственно через идеи Фёдорова. Близки ему и идеи К.Э. Циолковского, ещё более радикально утверждавшего бессмертие человека. Исследователями отмечается также влияниеноосферных идей В. Вернадского на представления Платонова о миссии цивилизации в природе [Рыбальченко2012: 18].

Развивая идеи Фёдорова, представители космизма делали акцент на том, что одно из средств на пути к преобразению миров человеком, осознавшим свою ответственность за Вселенную, станут научно-технические достижения. Таким образом, среди утопий, интенсивно развивающихся в

России с конца XIX в.(теократических, технократических, социальных и теургических (спасение творчеством) [Гальцева1992: 10]),космистские утопии казались универсальными. В них теургия сплавлялась с технократией, мистические упования на преображение мира – с верой в возможности науки и техники. Она в большой степени отвечала чаяниям Платонова, желавшего слить воедино духовные и материальные силы в мире и в человеке [Гоганова2013: 16–17].

Феномен прозы Платонова (строго говоря, не только ранней) состоит в том, что часто «общая идея» находится за пределами любого отдельного, даже крупного произведения. Весь анализ его прозы, по мнению В.А. Чалмаева, должен быть ориентирован принципиально иначе: не ослабляя внимания к отдельному фрагменту, фразе, повторяющейся ситуации, следует видеть весь контекст творчества Платонова в его системности и целостности[Чалмаев1989:171].

В ранней публицистике А.П. Платонова зарождалась тема многих будущих произведений, в частности, идея о том, что телесный человек Старого мира должен преодолеть себя самого, двинувшись к энергетическому совершенству, путь к которому проходил через самоотречение и попытку вложить личную энергию в вечное вещество Земли. Человек, по Платонову, не имеет никакого настоящего, кроме будущего, и оно идет к нему, как определил писатель, «тихими шагами» [Баршт2011: 254].

Отсюда берет свое начало идея самопожертвования. Уже в ранних публицистических статьях Платонова отчетливо присутствие мотивов жертвы и жертвенности. Особенно ярко это выражается в «Ленин» и «Душа мира».

Статья «Ленин»была опубликована в воронежской газете «Красная деревня», 11 апреля 1920 года (№29). Данная работа, представляющая собой призыв к сознательному самопожертвованиюво имя лучшей жизни, была посвящена пятидесятилетию В.И. Ленина. Главная идея проводится через

личность В.И. Ленина, который, в свою очередь, является вождем идеалом для всего народа:

...пусть вспомнят его, всю свою жизнь горящего в нечеловеческом ежедневном труде за наше освобождение, за частную жизни на земле.

В непрерывной жертве и самоотречении, он забыл про себя, слившись с интересами дела, которому отдался с юности...

Вся его душа и необыкновенное чудесное сердце говорят и сгорают в творчестве светлого и радостного храма человечества на месте смрадного склепа, где жили – не жили, а умирали всю жизнь, каждый день гнили в мертвой тоске наши темные загнанные отцы [Платонов1988:530].

Говоря о «счастливом храме человечества», Платонов уже здесь вводит мотив «дома-башни» который, в дальнейшем займет центральное место в его творчестве. Создание утопического храма, подобно сознанию Вавилонской башни[Гюнтер2012: 24–30]. На данном этапе Платонов верит в силу революции, видит в ней путь к светлому социалистическому будущему.«И Ленин еще с юности забил тревогу и всю жизнь бил в набат, звал отстающих и хилых, звал к победе и великой общей радости, к борьбе и новым страданиям» [Платонов1988:531].

Вся статья есть не что иное, как призыв к самопожертвованию, впоследствии получивший масштабную реализацию в «зрелом» творчестве А.П. Платонова.

Если у Платонова существуют произведения, в которых мотив жертвы не совсем очевиден – зачастую находится вне пространства текста, то в статье «Душа мира», которая была опубликована впервые в воронежской газете «Красная деревня» 18 июля 1920 года (№109), женщина предстает как реальная жертва, которая отдаёт как душу, так и тело во имя будущего(ребёнка).«Женщина осуществляет ребенка, своей кровью и плотью она питает человечество...перегоняет через свою кровь безобразие и ужас земли...»[Платонов 1988: 533].

В данном случае даже такой процесс, как рождение ребенка, описывается как обряд жертвоприношения:«Она есть его (Мира) проклятие и жертва, его страдание и искупление. Кровавый крест пира со смеющейся,

прекрасной жертвой. Это женщина, это её тайное сокровенное существо. Она улыбается, истекая кровью, кричит от боли, когда рождает человек, а после любит без конца то, что ее мучило» [Платонов1988:533].

Больше того, ранний Платонов, говорит о том, что главным и, возможно, единственным смыслом должно стать самопожертвование во имя будущего: «Женщина тогда живет, когда желание муки и смерти в ней выше желания жизни. Ибо только смертью дышит, движется и зеленеет земля. Не увидеть рай, а упасть мертвой у врат его – вот смысл женщины, а с нею и человечества» [Платонов1988:534].

Статья является лозунгом-призывом к обновлению, самопожертвованию ради жизни будущего, выраженном с помощью метафоры родства (жертва матери ради сына), перефразирующей традиционную христианскую топику: «Да приблизится царство сына (будущего человечества) страдающей материи и засветится светом сына погибающая в муках родов душа её» [Платонов1988:535]. Здесь сформулировано платоновское представление о ребёнке, который становится образом-символом во многих работах Платонова. Здесь же встречаем мотив «сокровенности», который также впоследствии будет многократно реализован в творчестве автора.

В статье «Вечная жизнь» (1920) мотив самопожертвования также эксплицирован вполне однозначно: «Труд пожрет нашу жизнь. И мы должны отречься от себя, если истинно хотим победы жизни и сознания на земле» [Платонов2004:67]. Труд описывается в «Вечной жизни» как принесение себя в жертву во имя «вечной жизни» последующих поколений: «Труд до смерти, труд всею жизнью, от ногтя до пламенеющего сознания, работа без конца и без памяти - вот наш смысл и наше оправдание, наша плата за жизнь, наш голос грядущему за то, что мы узнали какое оно и отдали себя за него» [Платонов2004:67].

Труд, в особенности труд дореволюционной эпохи, считается героической жертвой: «От рабочих требовался не просто труд, а труд

героический, труд-жертва, может быть – труд-смерть». В одной из статей 1920 года, в которой автор повествует о биографиях трех рабочих – среди них отца писателя, Платона Фирсовича Климентова, – жизнь рабочего до революции описывается как служебное мученичество и «жертвоприношение во имя врага своего» [Гюнтер2011: 58].

Тот же мотив самопожертвования и призыва к самопожертвованию, самоотречению наблюдается в статье «Великая работа» 1921 года: «Не один мозг будет иссушен, не один мускул лопнет от перенапряжения, пока вся земля наполнится морями полевых хлебных колосьев и все насытятся. Мы сознаем необходимость бес численных жертв и с радостью готовы на них» [Платонов2004: 197].

В статье «Великая работа»(1921), говорится об изобретении особогорода машин, которые помогут в борьбе с голодом: «Гидрофикация– спасениерабочих масс от смерти, спасение революции и коммунизма» [Платонов2004: 195].

Вполне ожидаемо, что для изобретения таких машин требуются многочисленные жертвы: «Гидрофикация не просто труд. Это - бой, кровавая война. Не один мозг будет иссушен, не один мускул лопнет от перенапряжения, пока вся земля наполнится морями полевых хлебных колосьев и все насытятся. Мы сознаем необходимость бесчисленных жертв и с радостью готовы на них» [Платонов2004: 196].

Платонов подчеркивает, что создание таковых машин является не просто работой, а жертвенной работой, в основу которых должен быть положен сам человек: «Мы соберем все свои человеческие силы, всю железную: энергию, настойчивость, все сознание, изобретательность, организованность и будем строить гидрофикационные системы» [Платонов2004: 196].

Говоря о ненужных жертвах, ранний А. Платонов подразумевает все человеческие жертвы (смертность людей в целом), которые были «принесены» в дореволюционное время: «Рабочие массыизнурены,

обессилены, и огромное количество рабочих уничтожено гражданской войной, голодом и десятилетиями бессменного труда при капитале. Массы дошли до полного равнодушия ко всему, у них уничтожается, отмирает то, что называется душой человека» [Платонов2004: 195]. Отсюда проистекают различия в трактовках жертвенности человеческого труда, дифференцируя жертвы, которые несут за собой пользу, и те жертвы, которые не приносят трудовой пользы для общества, т.е. относятся к напрасным жертвам.

В статье 1921 года «Происхождение труда» Платонов рассуждает о возникновении труда, его сущности и нужности. Труд здесь представлен, как противостояние, борьба с природой, в которую массы должны вступать осознанно, принося себя в ежедневную жертву труду. «Чем упорнее человечество трудится, тем оно больше становится самостоятельным и отдельным от природы, тем острее схватка жизни с природой и ближе победа трудящегося живого. Труд есть отношение человечества к природе, а его напряженность есть показатель их взаимной враждебности» [Платонов2004: 152].

В статье «Жизнь до конца», написанной в этом же году, А.П. Платонов видит истоки героичности человека в таких понятиях, как «[о]тчаяние, мука и смерть – вот истинные причины человеческой героической деятельности и мощные моторы истории» [Платонов2004: 180]. Здесь же различим призыв к жертвенности, которая как бы «цементирует» непрерывный труд: «Мы должны мучиться, миллионами умирать, падать от неистощимой любви, чтобы обрести в себе способность работать. Настоящий труд есть утоление нашей вечной скорби, в нем затихает боль и не слышно сердца» [Платонов2004: 180].

Размышляя о бессмертии жизни, Платонов (вполне в духе Фёдорова) пишет: «Я хотел написать о жизни, которая не хочет своего конца или хочет одного конца – бессмертия. Но сейчас жизнь хочет не бессмертия, а умереть завтра вместо сегодня» [Платонов2004: 182].

Те же мотивы жертвенности встречаются в ряде других статей: «Два мира», «Замена грядущего» (обе – 1920), «Герои труда. Кузнец, слесарь и литейщик» (1921). Все они направлены на призыв к самоотречению, самопожертвованию, во благо коммунистическим идеям (в контексте эпохи), а так же, соответствуют идеологии раннего А. Платонова, который приемлет идеи Н. Ф. Фёдорова.

В некоторых случаях мотив жертвенности в публицистике А. Платонова приобретает христианские семантические обертоны, что регулярно отмечается исследователями [Садовников 2014: 276], [Спиридонова 1994: 353], [Проскурина 2015: 27], [Гюнтер 2011: 24–30].

В статье 1920 года «О религии» Платонов писал: «Но что такое Бог, тайна... это тоже человек, его же образ, но далеко отодвинутый им от себя. Человек долго шел к этому своему дальнему образу – и теперь дошел. Он сам теперь Бог, но не тайна, так как тайны самой для себя быть не может – себя знает каждый, в этом и есть разгадка жизни, её свет». С характерным революционным пафосом здесь Платонов, во-первых, заявляет о разрешении проблемы богочеловечности, во-вторых, утверждает факт «обожения» человека в процессе социалистического строительства, финализирующий процесс человеческого самопостижения и постижения смысла [Садовников 2014: 276].

Сопоставляя «Фауст» Гёте и творчество Платонова 1920–1930 гг., Е. Н. Проскурина пишет: «Начиная же со второй половины 1920-х гг. художественный акцент в прозе писателя переносится уже в другую плоскость: в центре его внимания оказывается вопрос о цене подобного демиургизма, привносящий в преобразовательскую сюжетную коллизию мотивный комплекс жертвы/жертвоприношения, где одним из центральных мотивов становится умерщвление души, в плане фаустовского сюжета соотносящееся с дьявольской жертвой. Еще одной «платой дьяволу» служит в платоновском сюжете смерть ребенка, выполняющая в его произведениях функцию «строительной жертвы» (маленькая Настя в «Котловане»), чаще,

правда, в варианте «напрасной жертвы». Также и вопросительная интонация по отношению к максиме пере моделирования мира любой ценой различима уже в ранних «фантазиях», например в финальной части «Потомков солнца» [Проскурина2015:27].

Следует также отметить также присутствие новозаветных мотивов в статьях Платонова «Христос и мы» (1920) и «Новое Евангелие» (1921). В статье «Христос и мы» утверждает мысль о том, что именно революционный народ является прямым наследником и продолжателем дела Христа. Эта статья проясняет взгляды молодого Платонова на природу Христа. В его богочеловеческой данности писатель делает акцент на человеческой природе: Христос для него прежде всего Сын Человеческий. Но на этом Платонов не останавливается. В его публицистических выступлениях Христос постепенно вообще утрачивает божественную сущность. Он «сын земли», «царь сознания и враг тайны», «первый пролетарий» и т. д. Образ Христа наполняется в статьях Платонова рубежа 1910–1920-х гг. антропоморфным содержанием. По словам апостола Павла, «[и] славу нетленного Бога изменили в образ, подобный тленному человеку...» (Рим. II, 23). Начиная с этой подмены божественной сущности Христа человеческой, Платонов довольно далеко заходит по пути революционной «диаволектики» [Спиридонова1994:353].

Автор напоминает о главном завете Христа, отторгнутом в эпоху построения коммунизма, который также включает в себя мотив самопожертвования: «И забыт главный завет Христа: царство божие усилием берется. Усилием, борьбой, страданием и кровью, а не покорностью, не тихим созерцанием зла» [Платонов2004:27].

Новозаветные мотивы трансформируются в эпоху построения коммунизма. Название статьи «Новое Евангелие» говорит об этом автоматически. Размышляя о явлении засухи, Платонов описывает ее как апокалиптическое событие: «Великие климатические изменения, постигшие земной шар, ведут человечество к смертельному бедствию – длительной, ис-

ступленной, невыносимой засухе» «Небо с землей сцепились через тучи и овраги в безумной невероятной схватке, как на картинах страшного суда. Из этих вот тоскующих, пустынных, раненых временем полей и должно подняться человечество на мир, угрожающий смертью, забвением и вечной пляской стихий» [Платонов 2004:193].

Платонов призывает к борьбе с этими апокалиптическими событиями: «Из глубокого колодца – земли мы встаем и уже встали с железом в руках и сознанием. Здесь и больше нигде человек скоро устроит над вселенной свой страшный суд, чтобы осудить ее на смерть» [Платонов2004:194]. Жертвы в данной статье представляется в двух направлениях: напрасные жертвы засухи и сознательные жертвы борьбы с засухой.

Мотив жертвенности, включенный в контекст новозаветных приданий, пройдя предельную трансформацию, вполне в богоборческом духе эпохи превращается в антихристианский. Проявление таких мотивов и образов, как мы увидим ниже, будет продолжено в зрелой прозе А. Платонова.

1.3. Мотив жертвенности и образы жертв в ранних рассказах

Героями многих произведений Платонова являются рабочие-изобретатели, работающие на благо общества. В данном случае мифологема «строительной жертвы» редко эксплицируется, будучи, как правило, вынесенной в подтекст. Выразительный пример в этом смысле являет рассказ «Маркун», впервые опубликованный в седьмом номере журнала «Кузница» за 1921 г.

Главный герой (Маркун) теряет веру в Бога и от этого приносит себя в жертву общей идее коммунизма: «Но в детстве, когда он потерял веру в Бога, он стал молиться и служить каждому человеку, себя поставил в рабы всем, и вспомнил теперь, как тогда было ему хорошо. Сердце горело любовью, он худел и гас от восторга быть ниже и хуже каждого человека. Он боялся тогда

человека, как тайны, как Бога, и наполнил свою жизнь стыдливою жертвой и трудом для него» [Платонов1984:29].

Сам труд, который направлен на благо человечества в целом, в данном контексте представлен как жертвоприношение: «Загудел гудок. Маркун вспомнил о труде, о работе до крови, о борьбе и неутомимости, о гордой человеческой жизни, которой полна ликующая земля, о громе машин и потоках электричества» [Платонов1984: 30].

Мотив жертвы реализуется на идейном уровне, заключаясь в непрерывной работе Маркуна над созданием утопической машины, которая преобразует жизнь к лучшему. Но уже здесь данная мифологема не срабатывает, так как машина потерпела крах.

В рассказе «Маркун» так же заметно отражение идеи Н.Ф. Фёдорова, о воскрешении умерших: «...уморенные за день люди ласкались в эти короткие часы, оставшиеся до сна, любили своих жен и детей и надеялись на счастье, которое придет завтра. Завтра гудел гудок, и опять плакали церковные колокола, и мальчику казалось, что и гудок и колокола поют о далеких и умерших, о том, что невозможно и чего не может быть на земле, но чего хочется» [Платонов 1984: 32].

Маркун в течение многих месяцев трудится над созданием машины, призванной осчастливить человечество, дав «в его немощные руки молот безупречной помощи» – бесконечную энергию вселенной. Утопическая машина-молот должна обеспечить вечное счастье мировому пролетариату. В итоге усилий фанатика-изобретателя своеобразный «вечный двигатель» гибнет в момент достижения максимальной мощности. Взорвавшееся утопическое устройство – символ огромного и опасного потенциала знаний, науки, поставленных на службу утопической идее. Безусловно, сам Платонов 20-х годов еще далеко не свободен от власти прекрасной «Нигдеи», но тем ценнее угаданная художником истина об апокалипсических последствиях коммунистического проекта переделки мира [Ковтун2014: 70].

В 1922 году в журнале «Путь коммунизма» появляется рассказ (фантазия) «Потомки солнца». В данном тексте мы снова встречаем рабочего-изобретателя (Вогулова), который работает «бессменно, бессонно, с горящей в сердце ненавистью, с бешенством, с безумием и беспокойной неистощимой гениальностью», над климатом, дабы «переделать земной шар» для лучших условий человечества. Жертвенность выражается в образе главного героя, кроме того, мы видим её проявления на идейном уровне произведения.

В рассказе мы снова видим усвоенные А.Платоновым идеи Н. Федорова:

Но ничего не изменилось – только любовь стала мыслью, и мысль в ненависти и отчаянии истребляла тот мир, где невозможно то, что единственно нужно человеку, – душа другого человека...

Вогулов разметет вселенную без страха и без жалости, а с болью о невозвратимом и утраченном, чем дышит человек и что нужно ему не через несметные времена, а сейчас. И Вогулов руками хотел сделать это невозможное сейчас. «Только любящий знает о невозможном, и только он смертельно хочет этого невозможного и сделает его возможным, какие бы пути ни вели к нему» [Платонов 1984: 40].

В рассказе «Родина электричества» (1926) происходит создание мотоцикла, который должен помочь в борьбе с засухой в деревне Верчовке. Из полученного письма делопроизводителя Жаренова повествователь и председатель Чуняев замечают веру данной деревни в коммунистическое будущее: «[М]ы увидели провода, повешенные на старые плетни, и наша надежда на будущий мир коммунизма, надежда, необходимая нам для ежедневного трудного существования, надежда, единственно делающая нас людьми, эта наша надежда превратилась в электрическую силу, пусть пока что лишь зажегшую свет в дальних соломенных избушках» [Платонов 1984: 61].

В рассказе иронически представлен эпизод молебна жителей деревни за прекращение засухи, поэтому очевидно, что жертвенность в данном случае не может иметь христианскую трактовку. В разговоре со старухой, повествователь говорит: «Природа не слышит ни слов, ни молитвы, она

боится только разума и работы» [Платонов1984: 64]. В данном случае, очевиден мотив борьбы человека с природой, основой для неё опять же являются человеческие жертвы, от непрерывной работы, труда.

В произведении «Потомки солнца» также отражены идеи Н. Федорова: поэт-делопроизводитель передает эти идеи в форме рифмованных строк: «Не время сна, не время спать, пора весь мир уж постигать и мертвых с гроба поднимать! – произнес неизвестный человек надо мною» [Платонов1984: 68]. Данные эпизоды включают в себя мотивы жертвенности, поскольку влекут за собой идеи жертвенного труда: «Пускай наука только каплю даст, мы выжмем море туловищем масс!» [Платонов1984: 70]

Как и во многих других текстах раннего периода, в рассказе «Потомки солнца» описана вера в коммунистическое будущее: «Только отец их лежал со счастливым, обычно приветливым лицом: он господствовал над своим телом и надо всеми мучающими силами природы; магическое напряжение гения непрерывно радовало его сердце, верующее в могучую долю пролетарского, бедного человечества» [Платонов1984: 73].

В конце рассказа повествователь, чувствуя важность сделанной работы и радуясь нужному труду, говорит: «Я шел один в темном поле, молодой, бедный и спокойный. Одна моя жизненная задача была выполнена» [Платонов1984: 74].

Таким образом, ранняя публицистика и проза А.Платонова уже содержат в себе идею жертвенности, реализация которой прослеживается на разных уровнях поэтики. Чаще всего они представлены в образах героев, ориентированных на неистовый труд во благо будущих поколений. Позже мифологема «строительной жертвы» ляжет в основу более значимых произведений (в первую очередь – повести «Котлован» и романа «Чевенгур»). На данном же этапе творчества топос «жертвы», как правило, становится темой, которая заметна в большей степени в публицистике автора.

Платонов 1910-х – начала 1920-х гг. полон веры в утопическую идею. В отличие от иных писателей-утопистов этой эпохи, он не показывает

идеальное будущее, а лишь изображает процесс построения этого «храма человечества», путь к которому лежит через жертвы и самопожертвования. Так в творчестве писателя появляются мотивы и темы жертвы (жертвенности), в дальнейшем все более отчетливо смыкающиеся с мифологемой «строительной жертвы».

ГЛАВА 2. ТОПОС «ЖЕРТВЫ» В ЗРЕЛОЙ ПРОЗЕ А.П. ПЛАТОНОВА

2.1. Мотив жертвенности в малых жанрах

Понимание и принципы изображения человека массы менялись на протяжении 20-х годов. Известно, что в первые послеоктябрьские годы в творчестве прозаиков героико-романтической ориентации человек растворялся в массе. Принцип деиндивидуализации, выражал одну из существенных сторон бытия человека из народа тех лет: он выступал как воплощение исторической активности всего народа, как воплощение исторического творчества масс в эпоху социалистической революции. [Фоменко 1985: 5].

Можно сказать, что всё творчество А.П. Платонова 20-х годов решало магистральную проблему искусства этого периода – показать, как революция меняет духовную жизнь человека, какими внутренними связями «прикрепляется» к революции человек из массы [Фоменко 1985: 6].

Человек, по Платонову, создан для добра; действительность сделала его доброту безответственной. Сама доброта тоже деформирована, искажена и существует в человеке Платонова лишь как возможность добра и любви. Изолированность, отверженность героя не позволяет ему осуществить эту возможность, и она живет в нем замкнуто и не осознанно. Однако даже самый забитый человек обдумывает мир [Фоменко 1985: 10–11].

Свою попытку осмысления мира в коммунистическую эпоху, А.П. Платонов вкладывает в диалоги и монологи своих главных героев, которые одновременно являются наблюдателями и участниками создаваемого социалистического общества. Мотив жертвоприношений проходит через героев, тем самым дает попытку осмысления ненужности жертв. В свою очередь, этот мотив мифологизируется в «зрелой» прозе Платонова, в

частности, в рассказе «Усомнившийся Макар», который выходит впервые в журнале «Октябрь» в 1929 году и подвергается резкой критике.

Главный герой рассказа отправляется в Москву на промысел. В рассказе появляется мотив пути, который затем будет прослеживаться в ряде других крупных произведений А.П. Платонова. «Имея порожнюю голову» [Платонов 1988: 93], Макар всё же обращается к размышлениям о сущности социализма, во многих случаях «усомнившись» в нём.

Мотив жертвы-труда замечен уже с первых страниц произведения: «Люди бежали, лезли в трамваи до полного сжатия рессор и не жалели своего тела ради пользы труда» [Платонов 1988: 97]. В произведении встречаются рабочие-пролетарии, которые, строя «социалистические дома», представляют собой (сначала неявную) жертву: «Стали, наконец, являться пролетарии: кто с хлебом, кто без него, кто больной, кто уставший, но все милостивые от долгого труда и добрые той добротой, которая происходит от измождения» [Платонов 1988: 101].

Мотив строительства и мотив жертвоприношения, соединяясь между собой и образуя мотивный комплекс, трансформируются в данном случае в мифологему «строительной жертвы». Пролетарии изнурительно трудятся – строят социалистические дома, тем самым принося себя в жертву будущим поколениям. Мотив строительства пролетарских домов, возникающий в «Усомнившемся Макаре», будет в полной мере представлен в «Котловане».

Однако социалистическая идея уже подвергается сомнению, заметны размышления автора о бессмысленности проекта: «Макар здесь усомнился. – Так дома же и раньше строили, когда Ленина не было. Какой же тебе социализм в пустом доме? Комендант тоже задумался, тем более что он сам точно не знал, в каком виде должен представиться социализм – будет ли в социализме удивительная радость, и какая?» [Платонов 1988: 101].

Об абсурдности социалистической утопии также может говорить отсутствие в Москве детей. «Люди здесь сытые, лица у всех чистоплотные,

живут они обильно, – они бы размножаться должны, а детей незаметно» [Платонов1988: 104].

Таким образом, мифологема «строительной жертвы» в более или менее эксплицированном виде появляется уже в повести «Усомнившийся Макар».

В 1931 г. в журнале «Красная новь» печатается повесть А.П. Платонова «Впрок» (бедняцкая хроника). Прочитав повесть «Впрок», И. Сталин оставил на полях экземпляра «Красной нови» грубые пометы («дурак», «пошляк», «балаганщик», «беззубый остряк», «болван») и направил в редакцию журнала саркастичную записку: «Рассказ агента наших врагов, написанный с целью развенчания колхозного движения и опубликованный головоотяпами-коммунистами с целью продемонстрировать свою непревзойденную слепоту. P.S. Надо бы наказать и автора и головоотяпов так, чтобы наказание пошло им “впрок”». Партийные критики отреагировали мгновенно, организовав разгромную компанию. На пленуме Московской ассоциации пролетарских писателей в начале июня 1931 г. Платонова объявили – по подсказке И. Сталина – вражеским агентом, а его «бедняцкую хроника» переименовали в «кулацкую» [Поддубцев2015: 84]. Повесть отражает бессмысленность утопической идеи коммунизма. В произведении показан упадок веры в «светлое будущее», переосмысливаются религиозно-философские темы, а мотив жертвенности доводится до высокой степени абсурда.

Главным героем «бедняцкой хроники» является путешественник, «душевный бедняк, измученный заботой за всеобщую действительность» [Платонов1988: 198]. Далее герой сливается с автором [Платонов 1988: 198], становясь его литературным alterego. Странник отправляется в путешествие по колхозам с двумя целями: во-первых, посмотреть, как строится и устроен ли социализм в создающихся колхозах СССР; во-вторых, найти своё предназначение, пригодиться где-нибудь «впрок».

Мотив жертвенности заметен с самого начала повести: «даже настоящим созерцателем, видящим истинные вещи, в наше время быть нельзя, находясь вне труда и строя пролетариата, ибо ценное наблюдение может произойти

только из чувства кровной работы по устройству социализма» [Платонов1988: 199].

Главный герой становится наблюдателем процесса создания новой жизни, которая строится за счет трудовых масс; при этом он сам относится к этой массе. Стремление воссоединиться с рабочими, использовать своё тело до изнеможения, пригодиться «впрок» соотносится с мотивом жертвенности.

Первым пунктом его пребывания становится колхоз «Доброе начало», где происходит попытка зажечь коммунистическое солнце. Солнце, которое однажды «горело» неопределенное количество времени, отчетливо репрезентирует коммунистическую идею. Это образ можно рассматривать как результат авторской веры в коммунистическое будущее, которая, в свою очередь, со временем ослабла или «потухла» так же, как и колхозное солнце. Все попытки зажечь его вновь оказываются тщетными. А. Платонов «сгущает» ощущение бессмысленности коммунистических идей в одной фразе, которую произносит один из неизвестных колхозников: «Власть у нас вся научная, а солнце не светит!» [Платонов1988: 204].

Продолжая линию исследования христианского мотива жертвенности, следует заметить, что в ранней публицистике и прозе А. Платонова мотив трансформируется, подчас превращаясь в прямоантихристианский. В повести «Впрок» мотив переосмысливается и всё больше приобретает христианские черты: «Вон старики наши перестали верить в бога, а как солнце не загорелось, то они опять начали креститься» [Платонов1988: 205]. Данный мотив здесь дифференцируется, означая жертвенность либо во имя коммунистических, либо во имя христианских идей.

Со временем Платонов всё активнее развивает религиозную тематику, воспроизводя все противоречия эпохи коммунизма: «В другой деревне товарищ Щекотулов поступал так же: собирал народ и говорил: – Бога нет! – Ну-к что ж, – отвечали ему верующие. – Нет и нет, стало быть, тебе нечего воевать против него, раз Иисуса Христа нет. Щекотулов становился своим умом в тупик» [Платонов1988: 205].

Зачастую жертвенность доводится до высокой степени абсурда. Так, в конце повести один из героев (товарищ Пашка) сознательно хочет стать жертвой коммунизма: «Теперь он хочет умереть, чтобы избавить государство от своего присутствия и тем облегчить его положение, тем более, что беднее мертвеца нет на свете пролетария» [Платонов 1988: 249].

В повести «Впрок» заметно ослабление веры в итоги коммунистического будущего даже у рабочих: «Но, может, потом нам будет хорошо? - робко спрашивали его первые колхозники» [Платонов 1988: 221]. При этом рабочие представляют собой жертвы, которые до изнеможения используют свои силы в труде: «Упоевнне верил ни кулаку, ни событию – он был неудержим в своей активности и ежедневно тратил тело для революции» [Платонов 1988: 227].

Если в ранних текстах, особенно в публицистике А. Платонова присутствует твердая вера в итоги коммунистического будущего, то в «зрелой» прозе присутствует лишь слабая надежда: «Расставаясь с товарищами и врагами, я надеюсь, что коммунизм наступит скорее, чем пройдет наша жизнь, что на могилах всех врагов, нынешних и будущих, мы встретимся с товарищами еще раз и тогда поговорим обо всем окончательно» [Платонов 1988: 250]. Чем дальше развивается тема жертвенности, переходя в мифологему «строительной жертвы», тем ярче в прозе А. Платонова реализуется мотив бессмысленности подобных жертвоприношений.

2.2. Мотив жертвенности и мифологема «строительной жертвы» в романе «Чевенгур»

Роман А.П. Платонова «Чевенгур», написанный в 1929 г., суммировал ключевые инварианты платоновской прозы предшествующего периода. Исследователи творчества А.П. Платонова ([Гюнтер 2012: 62], [Муминов 2011], [Проскурина 2015: 136]) отмечают, что в романе «Чевенгур»

присутствуют мифологические структуры. Одной из таких структур здесь становится мифологема «строительной жертвы».

В романе Платонова персонажи отчетливо делятся на тех, кто совершает насилие, и тех, кто выступает в роли жертвы. Группа энтузиастов, задумавшая построить коммунизм в городке Чевенгур, расстреливает горожан, «буржуев», – тех, кому, по их определению, нет места в задуманном идеальном обществе. Иными словами, «буржуи» рассматриваются коммунистами как посторонние, поэтому именно они и приносятся в жертву новой религии. Кровавая расправа с мирными жителями является, в терминологии Р. Жирара¹, «учредительной жертвой», функция которой заключается в том, чтобы предотвратить насилие внутри коллектива, осуществляющего эксперимент [Жирар 2000: 125]. Новый коллектив чевенгурских коммунистов сложился на основе объединяющего фактора – зарождающейся идеологии, в жертву эмблематичным фигурам которой (Карлу Марксу, Розе Люксембург) принесены жизни десятков горожан.

Однако эти многочисленные человеческие жертвы не заставили чевенгурских коммунистов раскаяться, пока не умер от голода ребенок, сын нищенки. Смерть этого невинного ребенка отвращает большевиков от дальнейших репрессивных мероприятий и вообще приводит к прекращению бессмысленного эксперимента по построению коммунизма в отдельно взятом городе. Таким образом, смерть ребенка является своего рода заместительной жертвой, которая, в свою очередь, является заменой строительной жертвы. Значение этой жертвы заключается в том, что она заставила чевенгурских коммунистов отказаться от дальнейшего продолжения бесчеловечного эксперимента [Муминов 2011].

Параллель к финалу «Котлована» представляет смерть ребенка в «Чевенгуре». Если вспомнить мысль Ивана Карамазова о гибели невинного

---

¹Применение концепции Р. Жирара к творчеству А. Платонова см. в работе: [Муминов 2011].

ребенка для блага всего человечества: если необходимо заменить мир, основанный на «страданиях человечества», но для этого необходимо «замучить всего лишь одно только крохотное созданище». Однако в «Братьях Карамазовых», как показывает В.Е. Ветловская, здание, в основании которого лежит Илюша, означает смерть без всякой надежды на возрождение [Ветловская 1978: 109]. Таким образом, смерть пятилетнего сына пришедшей в город бедной женщины можно интерпретировать как свидетельство краха чевенгурского эксперимента. Копенкин сразу догадывается, «что в Чевенгуре нет никакого коммунизма – женщина только что принесла ребенка, а он умер» [Платонов 1990: 273]. Как и в «Котловане», каузальная связь между смертью ребенка и крушением всего проекта в «Чевенгуре» прослеживается достаточно слабо. Тем не менее, все персонажи романа понимают, что это событие означает разрушение коммунистических надежд.

Если в «Котловане» мертвое тело девочки хоронят в специальной могиле для возможного воскрешения в будущем, то умирающий мальчик в «Чевенгуре» видит в приступе лихорадки, как его мать раздает куски его тела, обросшего шерстью от пота и болезни, другим нищим бабам. Известно, что в космогонических мифах дележ и поедание тела символизируют создание мира из расчлененного тела ритуальной жертвы (см., в частности: [Топоров 1994: 8; Топоров 1994а: 351]). Это означает, что в «Чевенгуре» мы имеем дело с инвертированной космогонией – не с рождением нового космоса, а с его распадом. В отличие от жертвенной смерти Насти в «Котловане», сопровождающейся коннотацией воскресения, гибель ребенка как аллегорического представителя будущей жизни в «Чевенгуре» оказывается напрасной жертвой [Гюнтер 2012: 62].

Наиболее важными репрезентативными мифологемами «строительной жертвы» прослеживаются в двух эпизодах романа.

1. Смерть ребенка в Чевенгуре. «Если б он уже заледенел либо его черви тронули, а то лежит горячий ребенок – он еще внутри весь живой, только снаружи помер. Пока Чепурный помогал мальчику пожить еще одну

минуту, Копенкин догадался, что в Чевенгуре нет никакого коммунизма – женщина только что принесла ребенка, а он умер» [Платонов1990: 273].

2. Расстрел буржуев чекистами. «Чекисты ударили из нагана по безгласным, причастившимся вчера буржуям – и буржуи неловко и косо упали, вывертывая сальные шеи до повреждения позвонков. Каждый из них утратил силу ног еще раньше чувства раны, чтобы пуля попала в случайное место и там заросла живым мясом» [Платонов1990: 205].

При этом второй эпизод может рассматриваться именно в перспективе репрезентаций мифологемы «строительной жертвы», поскольку это убийство (= жертвоприношение) становится основой для построения коммунизма в городе. Смерть мальчика в Чевенгуре является показателем абсурдности и бессмысленности данных смертей и убийств, прочитывающихся как функционально неэффективные, «неработающие» жертвоприношения.

Помимо этого, любопытны и другие случаи присутствия топоса жертвы. Размышляя о социализме (еще до попадания в Чевенгур), Копейкин говорит: «Социализм и должен произойти из чистых бедняцких рук, а кулаки в борьбе погибнут» [Платонов1990:113], показывая тем самым, что в ходе построения коммунизма жертвами станут не только буржуи Чевенгура, но и все кулаки.

По сравнению с рассмотренными выше текстами, в романе «Чевенгур» усиливаются размышления о ненужности и абсурдности жертвоприношений. Так, один из персонажей (Фуфаев) думает об этой бесполезности: «[Н]апрасно умер его сын от тифа – напрасно заградительные отряды отгораживали города от хлеба и разводили сытую вошь» [Платонов1990:159].

На одном из колхозных собраний секретарь говорит об абсурдных революционных жертвах: «Секретарь губкома говорил сейчас о том, что на продраблени посылались обреченные товарищи, а наше красное знамя чаще всего шло на обшивку гробов» [Платонов1990:160]. Далее мотив абсурдности

идеалов эпохи строительства коммунизма усиливается: «беднее мертвеца нет на свете пролетария» [Платонов1990:206]. Подобные размышления присутствуют в разговоре Александра Дванова скузнецом, в ходе которого последний говорит: «дурень ты, народ ведь умирает – кому ж твоя революция останется?» [Платонов1990:140].

С уходом полубуржуев жизнь в Чевенгуре останавливается. Мнимый коммунизм города больше представляет собой крах, нежели реализовавшийся идеал светлого коммунистического будущего: «Дома стоят потухшими – их навсегда покинули не только полубуржуи, но и мелкие животные; даже коров нигде не было – жизнь отделилась от этого места и ушла умирать в степной бурьян, а свою мертвую судьбу отдала одиннадцати людям – десять из них спали, а один бродил со скорбью неясной опасности» [Платонов1990:227]. В одном из диалогов с Александром Двановым Захар Павлович говорит: «Погибшее дело! Что к сроку не успеет, то и посеяно зря... Когда власть-то брали, на завтрашний день всему земному шару обещали благо, а теперь, ты говоришь, объективные условия нам ходу не дают... Попам тоже до рая добраться сатана мешал...» [Платонов1990:164]. Тем самым А. Платонов демонстрирует гибель коммунистических идей. Коммунистическая религия (антихристианство) и христианство как бы уравниваются в идеологических правах.

В «Чевенгуре», пожалуй, наиболее отчетливо заметно влияние идей Н.Ф.Федорова: «Они напоминали живым, бредущим мимо крестов, что мертвые прожили не зря и хотят воскреснуть» [Платонов1990: 95]. Однако мотив воскрешения останется нереализованным ни в этом романе, ни во всем творчестве Платонова, оставшись лишь на отдельных (анти)утопических мотивах, тем и образов.

Топос жертвы развивается в прозе Платонова: если в ранних текстах жертвенность остается на уровне тем, мотивов и прямых риторических призывов, в которых видна вера самого Платонова, то в творчестве зрелого периода, помимо мотивов, все чаще появляется мифологема

«строительной жертвы». Значение этих жертв, в процессе построения коммунизма, сводится в конечном итоге к абсурдным сюжетам и/или трагически обесмысливается.

ГЛАВА 3. МИФОЛОГЕМА «СТРОИТЕЛЬНОЙ ЖЕРТВЫ» В ПОВЕСТИ «КОТЛОВАН»

3.1. «Строительная жертва» в повести «Котлован»

А.П. Платонов не переносит действие в некие фантастические обстоятельства, не отчуждает свою художественную реальность от конкретно-исторических обстоятельств. Напротив, он демонстрирует определенность времени действия, связывает напрямую положения и обстоятельства жизни своих персонажей с драматическими поворотами советской истории: созданием и гибелью коммунизма в первые послереволюционные годы, возникновением строек первой пятилетки, раскулачиванием, созданием первых колхозов («Котлован»). У Платонова люди массы изображены в своем порыве к счастью. Они убеждены, что не может быть индивидуального спасения. Человек массы у Платонова переживает трагедию самообмана и становится жертвой грандиозного обмана («Котлован»)[Скороспелова 2012: 268-269].

Повесть «Котлован» являет собой характерный вариант неомифологических текстов, одним из главных признаков которого, по мнению З.Г. Минц, является функционирование мифологем в качестве знаков-заместителей целостных ситуаций и сюжетов поведения героев и развертывания текста [Минц1979: 92–95]. Ключевой мифологемой становится в повести «строительная жертва» [Калениченко2000: 600].

Сюжет «Котлована» перекликается с соответствующим мотивным комплексом в романе М.Ф. Достоевского «Братья Карамазовы», описанным В.Е. Ветловской (см.: [Ветловская 1978]). Мы полагаем, что Платонов сознательно проецирует свой вариант сюжета жертвоприношения на уже упоминавшиеся рассуждения Ивана Карамазова, справедливо интерпретированные В.Е. Ветловской в неомифологической перспективе актуализации идеи «строительной жертвы».

Мифологема «строительной жертвы» лежит в основе сюжета повести, а остальные мотивы, мифологемы и символы наслаиваются на эту структурообразующую ось, уточняя и углубляя её [Калениченко2000: 602]. Как подчеркивает О. Калениченко, «[з]дание судьбы человеческой» в «Котловане» возводится только для одного класса, который «дорог» человечеству, а счастье в финале замещается «неподвижным счастьем» в будущем [Калениченко 2000: 603].

Мифологема «строительной жертвы», традиционно для платоновского сюжетостроения, возникает уже в начале повести в лапидарной формуле: «Так могилы роют, а не дома» [Платонов 1988: 118]. Бессмысленность строительного проекта в «Котловане» увеличена до абсурдных размеров: вместо башни сооружается пропасть, в которой строители «предчувствуют собственный гроб». В повести явно звучит распространённая в фольклоре мифологема строительной жертвы. Гибнут рабочие и крестьяне, работавшие с таким усердием, «будто бы хотели спастись навеки в пропасти котлована», но особенно значительной оказывается жертва девочки Насти, аллегорического воплощения будущего. Несмотря на то, что судьба Насти на первый взгляд слабо связана с центральным сюжетом повести, смерть девочки интерпретируется всеми персонажами повести, как крушение надежды, а сам автор подтверждает, что в её смерти он изобразил «гибель социалистического поколения».

Настя играет роль жертвы в двойном смысле. Несмотря на то, что она в прямом значении жертва потерпевшего неудачу проекта, автору явно хочется верить в то, что её жертвоприношение «на алтаре прогресса» не останется втуне. На этот факт указывает и имя девочки – Анастасия, то есть «воскресшая» [Гюнтер2012: 61].

Жертва служит у Платонова средством примирения энтузиазма героев с окружающей средой. Мученическое стремление персонажей возникает на основе мысли «об искуплении томительности жизни» [Гюнтер2012: 65].

Центральный герой «Котлована» Настя символизирует будущее, ради которого рабочие роют котлован, принося себя в жертву. Критерием социальной гармонии в повести является судьба ребенка.

В данном образе мифологема «строительной жертвы» реализуется наиболее ярко. Любопытно, что Платонов чаще всего описывает Настю как предмет, а не как ребенка: «Последний жалкий остаток погибшей женщины», «элемент будущего», «будущий подрастающий предмет» [Платонов 1988: 157]. Настя – первый житель еще не построенного дома-мечты. «Зафиксируй, товарищ Пашкин, Настю – это ж наш будущий радостный предмет!» [Платонов 1988: 157].

В конце повести девочка погибает, а вместе с ней погибает надежда для Вощева и других рабочих-землекопов. В символическом противостоянии котлована и Насти побеждает котлован, и в основание будущего дома ложится ее мертвое тело. Девочка умирает, вместе с ней умирают и те идеи, ради которых живут герои повести. Становится очевидным, что все они не имеют будущего и обречены на смерть.

После смерти Насти Жачев уходит в город, а Чиклин начинает копать для девочки могилу в одной из стен котлована: «Он рыл её пятнадцать часов подряд, чтобы она была глубока и в неё не сумел бы проникнуть ни червь, ни корень... чтобы ребенка не побеспокоил шум жизни с поверхности земли...» [Платонов 1988: 197].

Нам представляется, что смерть девочки, символизовавшей собой коммунистическое будущее, имеет два значения. Во-первых, вполне «достоевская» интенция Платонова может быть прочитана следующим образом: никакая, пусть даже самая благородная цель, не оправдывает человеческих жертв, тем более смерти ребенка. Во-вторых, Платонов рефлексировал недолговечность утопической идеи коммунизма.

Другой важный персонаж повести – искатель правды Воцев. «Воцев... вышел наружу, чтобы на воздухе лучше понять свое будущее. Но воздух был пуст, неподвижные деревья бережно держали жару в листьях, и скучно

лежала пыль на дороге...»[Платонов 1988: 108]. Герой Платонова – странник, отправляющийся на поиски истины и смысла всеобщего существования[Савельзон1992:15]. Дорога приводит Вощева на котлован, где он задерживается и из странника превращается в землекопа. И, как кажется поначалу, даже находит смысл жизни: «Он теперь допускал возможность того, что детство вырастет, радость делается мыслью, и будущий человек найдет себе покой в этом прочном доме, чтобы глядеть из высоких окон в протертый, ждущий его мир. Уже тысячи былинки, корешков и мелких почвенных приютов усердной твари он уничтожил навсегда и работал в теснинах тоскливой глины» [Платонов1988:118]. Вощев видит смысл существования именно в Насте. С этого момента герой становится осознанной «строительной жертвой», так как до этого он выполняет свои действия, говоря языком Платонова, «механически».

Однако смерть Насти лишает его недавно обретенного смысла: «Зачем ему теперь нужен смысл жизни и истина всё – мирного происхождения, если нет маленького, верного человека в котором истина стала бы радостью движения?» [Платонов1988:196].

Котлованявляется предельно утопическим символом, моделью коммунистического социального устройства. Платоновский сюжет показывает безнравственность и обреченность исторического эксперимента.

События, которые происходят на котловане, являются источником размышлений писателя, его предостережение будущим поколениям. Герои появляются на котловане, исчезают или остаются; они верят в коммунистическое будущее, работают на него, тем самым принося себя в жертву. Они забывают прошлое, не видят настоящего, а живут лишь надеждой на будущее. Суть их жизни заключается только в том, что они роют и спят. В этой связи интересно, что Платонов не использует потенциально продуктивный прием включения сновидений для описания утопических картин будущего. В «Котловане» никто не видит снов, все лишены воспоминаний.

Таким образом, А.П.Платонов (прежде всего с помощью логики сюжета и системы персонажей) разрушает миф о «светлом будущем», показывая, что рабочие живут не ради счастья, а ради того, чтобы принести себя в жертву идее, воплощенной в мистически-безликом образе котлована.

Кроме центральных героев повести – Насти и Вощева – в орбиту неомифологического сюжета повести вовлечены и второстепенные – землекопы. «Хотя они и владели смыслом жизни, что равносильно вечному счастью, однако их лица были угрюмы и худы, а вместо покоя жизни они имели измождение» [Платонов 1988: 115].

Бесперывно работающие на благо утопической идеи землекопы также репрезентируют топос жертвы. «Со скоростью, происходящей от беспокойной преданности трудящимся, профуполномоченный выступил вперед, чтобы показать расселившийся усадьбами город квалифицированным мастеровым, потому что они должны сегодня начать постройкой то единое здание, куда войдет на поселение весь местный класс пролетариата, – и тот общий дом возвысится над всем усадебным, дворовым городом, а малые единоличные дома опустеют, их непроницаемо покроет растительный мир, и там постепенно остановят дыхание исчахшие люди забытого времени» [Платонов 1988: 117].

Символом идеи для этих рядовых рабочих, как и для Вощева, является Настя. То, что они видят реального ребенка, ради которого стоит «жить впрок», вдохновляет их и заставляет работать все больше и больше, несмотря на телесное истощение. «Все спящие были худы, как умершие, тесное место меж кожей и костями у каждого было занято жилами, и по толщине жил было видно, как много крови они должны пропускать во время напряжения труда» [Платонов 1988: 114].

Рабочие-землекопы воспринимают Настю как реальный символ коммунизма: Сафронов приветствует ребенка «как элемент будущего». Смысл их жизни заключается в работе на благо будущих поколений: «Пусть сейчас жизнь уходит, как течение дыханья, но зато посредством устройства

дома ее можно организовать впрок для будущего недвижимого счастья и для детства» [Платонов1988: 124].

Вместе с тем, не все герои повести встроены в общий процесс принесения себя жертву во имя строительства «светлого будущего». Так, крестьяне заботятся не о всеобщем благе, а о том, как прокормить собственные семьи. Но в контексте реализации утопического проекта это оказывается невозможным. Нагляднее всего это видно в сцене, когда рабочие натываются на крестьянские гробы. Сами крестьяне объясняют, что они заранее готовят эти гробы, так как предчувствуют свою скорую гибель. Сцена «подсвечивается» всё той же мифологемой строительной жертвы: Платонов в очередной раз буквализует метафору – новая жизнь в прямом смысле строится на мертвых телах крестьян и их детей.

Повесть Платонова «Котлован» в какой-то степени представляет собой суровое пророчество и предупреждение всем поколениям. Этим и рядом других произведений Платонов показывает ошибочность и опасность пути, по которому шла страна. Проект строительства гигантского дома, оборачивается могилой для всех рабочих, представляющих собой своеобразную коллективную «строительную жертву».

Итак, мифологема строительной жертвы пронизывает художественную систему повести «Котлован», реализуясь на уровне идей, персонажной системы и сюжета. Однако жертвоприношение остается нереализованным по причине абсурдности утопических идей эпохи вообще и проекта котлована, в частности, а также потому, что герои повести не являются сакральными жертвами (не имеют прямого отношения к ритуально-мифологической сфере сакрального), а лишь содержат в себе немифологические по своей природе элементы жертвенности.

3.2. Методическая разработка: план-конспект урока по повести «Котлован» для 11 класса

Тема урока: «Попытка реализации рая на земле в повести А.П. Платонова «Котлован»

Тип урока: комбинированный урок

Задачи урока:

1) способствовать глубокому осмыслению повести и формированию навыков работы над художественной деталью;

2) помочь определить философский, условный характер понятия «рай на земле», доказать утопичность социалистического рая в творчестве А. Платонова;

3) способствовать развитию умения сопоставлять и делать выводы, содействовать в развитии познавательного интереса к произведениям русской литературы и культуры, в целом;

4) воспитание нравственных понятий, поднятие проблемы о смысле жизни.

Методы и приёмы: эвристический метод, репродуктивный метод, беседа - анализ произведения, комментированное чтение, слово учителя, сообщение учащегося.

Формы работы: индивидуальная, фронтальная.

Виды деятельности: чтение, слушание, говорение.

Оборудование: мультимедийная установка, презентация (портрет А.П. Платонова, картины П. Филонова), текст повести «Котлован».

Ход урока

І. Вступительный этап

1) Организационный момент (приветствие)

2) Пятиминутка (один из учащихся рассказывает наизусть любое выбранное им стихотворение, свой выбор аргументирует)

3) Проверка домашнего задания, воспроизведение и коррекция опорных знаний учащихся

На прошлом уроке, мы говорили о жизни и творчестве Андрея Платоновича Платонова, узнали историю создания повести «Котлован», дома вы должны были прочитать её. Давайте подумаем над темой урока: «Попытка реализации рая на земле в повести А.П. Платонова «Котлован».

– Как вы понимаете тему урока? Что значит «рай на земле»? (исходя из первичного понимания повести «Котлован»)

4) Постановка цели и задач урока. Мотивация учебной деятельности учащихся

В XIX веке жил философ Николай Федорович Федоров (1829 –1903). Отражение его философских идей воплотилось в творчество известных русских писателей (Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, В. С. Соловьёв). Среди таких писателей оказался и А.П. Платонов. Именно его идеи нашли свое отражение в произведениях А. Платонова, и повесть «Котлован» не исключение. Идея «общего дела» Н.Ф. Федорова очень своеобразно отразилась в 20–30-е годы на многих людях, которые также верили и стоили это будущее – этот рай – коммунизм!

Сегодня мы подобно поговорим о повести «Котлован», обсудим более значимые фрагменты повести и подумаем, почему не удалось создать коммунистический рай на земле.

– Давайте вспомним, в какую эпоху жил А. Платонов? Каковы особенности данного времени?

– Для начала посмотрим, как отображал данную эпоху советский живописец Павел Филонов.

- Краткое сообщение учащегося о Павле Филонове и его творчестве.

II. Этап художественного восприятия

- Некоторые картины П. Филонова и их обсуждение (Приложение 1,2,3).

– Давайте посмотрим картины. Каковы художественные принципы его творческой манеры? «Февральская революция» (1926), «Ударники» (1935), «Буржуй в коляске» (1913)

– Что вы видите на этих картинах?

– Что отражают картины, какие ощущения передают?

– Можем ли мы соотнести их с повестью «Котлован»? Что общего между картинами П. Филонова и повестью «Котлован» А.П. Платонова?

III. Этап анализа

5) Беседа-анализ произведения

– Легко ли вам далось чтение повести «Котлован»?

– В чем были трудности?

– Каков язык повести? Что в нём поражает? Найдите в тексте изобразительно-выразительные средства, преувеличение отрицательных характеристик, доведённых до крайности, переосмысление известных понятий, обнажающее нелепость происходящего; сочетание несочетаемых понятий и слов, использование лозунгов, штампов (обращение к тексту произведения).

– Это фантастическая или реалистическая повесть? Что в ней реалистического, а что – нет? (обращение к тексту произведения)

– Рассмотрим образы героев повести. Выделим главных и второстепенных. Как вы думаете, почему отсутствует подробное описание образов героев?

– Обратим внимание на название повести. Какой смысл этого заглавия? Чем становится котлован в конце повести?

Слово учителя: этнограф Дмитрий Константинович Зеленин в одной из своих работ отмечает, что существует множество преданий о людях, «замурованных в фундаментах или стенах разных построек. Строительные жертвы предназначались, прежде всего, для того, чтобы обеспечить прочность и долговечность той или иной постройки. Причем эти сказания вполне реалистичны». В дальнейшем понятие строительной жертвы из мифов

и преданий переносится в литературу, образуя мифологему «строительной жертвы».

– Давайте подумаем, есть ли в тексте «Котлована» подобные жертвы?

Обратимся к эпизодам повести (прочтение последнего фрагмента повести).

– Каким образом строился коммунистический рай? Как вы думаете, почему его не удалось построить в повести?

– Какова авторская позиция?

– Каковы нравственные уроки повести?

IV. Заключительный этап

6) Итоги урока

– О чем заставила вас задуматься повесть А.П. Платонова?

– В чем особенность писательской позиции Платонова?

– Ставит ли А. Платонов вопрос о смысле жизни в повести «Котлован»?

– Какие проблемы ставит автор в повести «Котлован»? Еще раз выделим их.

- разгромленная войной страна;
- грандиозные проекты коммунизма:
- раскулачивание крестьян;
- процветание бюрократии;
- уничтожение религии, фанатичное поклонение новой идее;
- атмосфера бездуховности.

7) Домашнее задание. Сочинение-рассуждение на любую из предложенных тем:

1. «Мое представление о рае на земле».
2. «О чем я рассуждал (а), читая «Котлован».
3. «Тема смысла жизни в повести «Котлован».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В русскую литературу начала XX века активно входит архаичный миф, образуя неомифологизм как одну из её ведущих характеристик. Ряд писателей (Замятин, Булгаков, Пастернак и др.) обращаются к древней мифологии, описывая современные реалии. В ряду таких писателей оказывается А.П. Платонов.

В ряде работ, посвященных творчеству А. Платонова, отмечается наличие в его произведениях мифологических структур. Особенное внимание в этой перспективе уделяется повести «Котлован» (1930) и роману «Чевенгур» (1929).

Наше исследование начинается с публицистики Платонова рубежа 1910-х –1920-х гг. В ходе этого исследования выяснилось, что во многих статьях присутствует топос жертвы. Особенно ярко это выражается в статьях «Ленин» и «Душа мира». Образы жертв и мотивы жертвенности обнаруживаются также в ряде других статей: «Новое Евангелие», «Вечная жизнь», «Замена грядущего» (все – 1920), «Жизнь до конца», «Великая работа» (обе – 1921). Все эти статьи нацелены на призыв к самоотречению и самопожертвованию во благо коммунистической идеи. Немаловажно при этом, что эти публицистические тексты очевидно наследуют философским идеям Н.Ф. Фёдорова, под влиянием которого, как это многократно отмечалось исследователями, находился Платонов.

В рассказе «Маркун» (1921) мотив жертвенности проявляется на идейном уровне, заключаясь в непрерывной работе Маркуна над созданием утопической машины, которая должна преобразовать жизнь к лучшему. В рассказе «Потомки солнца» (1922) снова встречается фигура рабочего-изобретателя (Вогулов), который работает над климатом «бессменно, бессонно, с горящей в сердце ненавистью, с бешенством, с безумием и беспокойной неистощимой гениальностью», дабы «переделать земной шар».

Здесь жертвенность репрезентируется главным образом в фигуре главного героя.

Платонов 1910-х – начала 1920-х гг. полон веры в утопическую идею. В отличие от иных писателей-утопистов этой эпохи, Платонов не показывает нам идеальное будущее, а лишь отображает процесс строительства этого будущего. И путь к нему лежит через жертвы и самопожертвования. Так, в творчестве писателя, появляются мотивы и темы жертвы (жертвенности), в дальнейшем они приобретают формы мифологем «строительных жертв».

Таким образом, тоpos «жертвы»исходит из ранней публицистики и ранних рассказов А.П. Платонова. Уже эти тексты содержат в себе идеи жертвенности на разных уровнях. В особенности это людской труд, в контексте данной эпохи он представлен как жертвоприношение.

Чем дальше развиваются мотивы и темы жертвенности, переходя в мифологему «строительной жертвы», в прозе А. Платонова, тем ярче в произведениях представлена бессмысленность подобных жертвоприношений которые, присутствуют уже в рассказе «Усомнившийся Макар» (1929) и в повести «Впрок» (1931).В произведении«Усомнившийся Макар», встречаются рабочие-пролетарии, которые представляют собой всё ту же жертву труда. Здесь встречается темастроения социалистических домов.Тема строительства и мотив жертвоприношений, производят в данном случае мифологему «строительной жертвы».Но социализм уже здесь подвергается сомнению, заметны размышления автора о бессмысленности и абсурдности «строительных жертв».

Главный герой повести «Впрок», является наблюдателем создания новой жизни. Его стремление воссоединиться с рабочими, использовать своё тело до изнеможения, пригодиться «впрок» соотносится с мотивом жертвенности. Солнце, которое однажды «горело» неопределенное количество времени, отчетливо репрезентирует коммунистическую идею. Этот образ можно рассматривать как результат авторской веры в коммунистическое будущее, которая, в свою очередь, со временем ослабла

или «потухла» так же, как и колхозное солнце. Все попытки зажечь его вновь оказываются тщетными.

Подобным образом, получает реализацию мифологема «строительной жертвы» в романе «Чевенгур». Наиболее ярко, это представлено в двух эпизодах романа: расстрел буржуев чекистами и смерть ребенка в Чевенгуре. Эпизод с расстрелом буржуев в Чевенгуре, представляется как мифологема «строительной жертвы», так как данное жертвоприношение становится основой для постройки коммунизма в городе. Смерть мальчика в Чевенгуре, является показателем абсурдности и бессмысленности таких действий.

В повести «Котлован» мифологема «строительной жертвы» очевидно, ярче всего отображена в образе девочки Насти. Помимо этого мифологема реализуется в образах всех героев землекопов. Девочка играет роль жертвы в двойном смысле. Несмотря на то, что она в прямом значении жертва потерпевшего неудачного проекта, автору явно хочется верить в то, что её жертвоприношение не окажется бессмысленным. На этот факт указывает и имя девочки – Анастасия, то есть «воскресшая».

Во всех текстах А.П. Платонова, жертвоприношение остается нереализованным по причине абсурдности утопических идей эпохи в текстах Платонова, в общем, а в частности, по причине того, что герои не являются сакральными жертвами (не имеют прямого отношения к мистическому обряду), а лишь содержат в себе мифологические элементы жертвенности.

В некоторых случаях мотив жертвенности в публицистике А. Платонова приобретает христианские обертоны. Следует отметить, что мотив жертвенности связанный с новозаветными приданиями, пройдя предельную трансформацию, превращается антихристианский, в ранних текстах А.П. Платонова. В таких произведениях, как роман «Чевенгур» и повесть «Впрок», тема переосмысливается и приобретает чаще христианские черты. Платонов показывает развитие религии, современного ему общества, в двух руслах: коммунистическая и христианская.

Таким образом, топос «жертвы» является инвариантным в художественном творчестве и публицистике А.П. Платонова: от ранней публицистики до вершинных текстов («Чевенгур», «Котлован»). Он реализуется на уровне идей, персонажной системы и сюжета. Но если в творчестве раннего периода он представляет собой мотив или тему, то в творчестве зрелого периода он становится явной мифологемой «строительной жертвы».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Баршт2011 – Баршт К. Поэтическая грамматика А. Платонова // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 7. М., 2011. С. 191–205
2. Баршт2000 – Баршт К.А. Энергетический принцип Андрея Платонова: Публицистика 1920-х гг. и повесть «Котлован» // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 4. М., 2000. С. 253–261.
3. Байбурин2005 – Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. М., 2005. 187 с.
4. Белякова, Глушкова 2006 – Белякова Н.Н., Глушкова М.М. Русские писатели XX века. От Бунина до Шукшина. Учебное пособие. 3-е изд. М., 2012. С. 216–225.
5. Васильев1990 – Васильев В.В.А. Платонов: Очерк жизни и творчества. 2-е изд. М., 1982. 230 с.
6. Васильев, Ковтун, Проскурина2013 – Васильев И.Е., Ковтун Н.В., Проскурина Е.Н. Проект переустройства мира и русская проза начала XX века // Сибирский филологический журнал. Новосибирск. 2013.№2. С. 129–140.
7. Ветловская1978 – Ветловская Е.А. Творчество Достоевского в свете литературных и фольклорных параллелей. «Строительная жертва» // Миф – фольклор – литература. Л., 1978. С. 81–113.
8. Верт2000 – Верт Н.М. История советского государства. 1900–1991. М.,2000. 480 с.
9. Геллер1999 – Геллер М.Я. Андрей Платонов: В поисках счастья. М.,1999.423 с.
- 10.Гоганова2013 – Гоганова А.В. Чевенгур Андрея Платонова как утопия: мнения современных литературоведов // Известия Южного федерального университета. Филологические науки.№2.2013.С. 15–20.

11. Голованов 2012 – Голованов И. А. Идея переустройства мира в ранней публицистике А. Платонова // Филология. Искусствоведение. № 17 (271). Вып. 66. Челябинск, 2012. С. 48–50.
12. Горбатова 2002 – Горбатова Т. Трудничество и странничество как две формы праведной жизни в произведениях Некрасова // Литература. URL: <http://lit.1september.ru/article.php?ID=200204006> (дата обращения: 28.05.16).
13. Гордович 2005 – Гордович К. Д. История отечественной литературы XX века. СПб., 2005. 352 с.
14. Гусев 2000 – Гусев С. Апология массового познания и целостная картина творчества А. Платонова // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Выпуск 4. Юбилейный. М.: Наследие, 2000. С. 265 – 270.
15. Гюнтер 2012 – Гюнтер Х. По обе стороны утопии: Контексты творчества А. Платонова. М., 2012. 216 с.
16. Дужина 2010 – Дужина Н. Путеводитель по повести А. П. Платонова «Котлован». М., 2010. 184 с.
17. Жирар 2000 – Жирар Р. Насилие и священное/ пер. с фр. Г. Дашевского. М., 2000. 400 с.
18. Заваркина 2014 – Заваркина М. В. Сюжет «Испытания истины» в повести А. П. Платонова «Котлован» // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск, 2014. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/syuzhet-ispytaniya-istiny-v-povesti-a-p-platonova-kotlovan> (дата обращения: 28.05.16)
19. Задонский 1969 – Задонский Н. «Молодой Платонов» // В потоке жизни: литературные этюды. Воронеж, 1969. С. 45–56.
20. Зеленин 2004 – Зеленин Д. К. «Строительная жертва» // Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1934-1954 М., 2004. С. 145–175. URL: <http://ec-dejavu.ru/b/Bauopfer.html> (дата обращения: 28.05.16).

- 21.Калениченко2000 – Калениченко О. Мифологема строительной жертвы в повести «Котлован» // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып.4. М., 2000. С. 600–604.
- 22.Корниенко2000 – Корниенко Н. Наследие А. Платонова – испытание для филологической науки // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Выпуск 4. М., 2000.С. 117–137.
- 23.Ковтун2014 – Ковтун. Н. Русская литературная утопия второй половины XX века. М., 2014. 353 с.
- 24.Костов2000 – Костов Х. Мифопоэтика Андрея Платонова в романе «Счастливая Москва».Хельсинки, 2000.325 с.
- 25.Кременцов, Алексеева, Колядич2002 –Кременцов Л.П, Алексеева Л.Ф., Колядич Т.М. и др. Русская литература XX века. Особенности развития литературы 1920–1930 гг., М., 2002.URL: http://www.academiamoscow.ru/ftp_share/books/fragments/fragment_1958_5.pdf (дата обращения: 28.05.16).
- 26.Кулагина2000 – Кулагина А. Тема смерти в фольклоре и прозе А. Платонова // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества.Вып. 4. 2000. С. 345–357.
- 27.Куликова2009 –Куликова Е.В. Современная русская и англоязычная критика о религиозно – философских поисках в творчестве Андрея Платонова // Литературоведение на современном этапе. Тамбов, 2009.С. 237–239.
- 28.Малыгина1993 – Малыгина Н. «Котлован» А. Платонова и общественно-литературная ситуация на рубеже 20–30-х годов // Андрей Платонов. Исследования и материалы. Под ред. Т. А. Никоновой. Воронеж, 1993. С. 55–61.
- 29.Мелетинский1994 – Мелетинский Е. М. О литературных архетипах. М., 1994. 136 с.

30. Минц – Минц З.Г. О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов // Учёные записки Тартуского университета. 1979. Вып. 479. С. 92–95.
31. Муминов – Муминов С. Роман А.П. Платонова «Чевенгур» в контексте античного художественного сознания. URL: <http://www.topos.ru/article/literaturnaya-kritika/roman-ap-platonova-chevengur-v-kontekste-antichnogo-khudozhestvennogo-soznaniya> (дата обращения: 18.05.16).
32. Пенкина 2012 – Пенкина Н.В. Философские идеи прозы Андрея Платонова: проблема человека. URL: <http://nvsu.ru/ru/Intellekt/1117/Penkina%20N.V.%20Filosofskie%20idei%20prozi%20Andreya%20Platonova%20-%20Monografiya%20-%202012.pdf> (дата обращения: 28.05.16).
33. Петрухин 2002 – Первухин В.Я. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд. 2-е. М., 2002. URL: <http://www.symbolarium.ru/index.php/%D0%96%D0%B5%D1%80%D1%82%D0%B2%D0%B0> (дата обращения: 12.03.15).
34. Пискунова, Янков 2007 – Пискунова Л., Янков И. Мифологема “строительной жертвы” как механизм перекодировки советского опыта в формировании современной городской идентичности» URL: http://www.academia.edu/7205773/%D0%9B%D0%B0%D1%80%D0%B8%D1%81%D0%B0_%D0%9F%D0%B8%D1%81%D0%BA%D1%83%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0_%D0%98%D0%B3%D0%BE%D1%80%D1%8C_%D0%AF%D0%BD%D0%BA%D0%BE%D0%B2 (дата обращения: 20.03.15).
35. Поддубцев 2015 – Поддубцев Р.А. Повесть А. Платонова «Впрок» в оценках советской критики // Медиа альманах. 2015. № 4. С. 81–88. URL: https://istina.msu.ru/media/publications/article/1b2/e36/10299887/Povest_A_Platonova_Vprok_v_otsenkah_sovetskoj_kritiki.pdf (дата обращения: 3.06.16).

36. Платонов 1984 – Платонов А. Том 1. Собрание сочинений. Рассказы. Повести. 1921–1934. М., 1984. 445 с.
37. Платонов 1988 – Платонов А. Государственный житель. Проза. Ранние сочинения. Письма. М., 1988. 589 с.
38. Платонов 1990 – Платонов А. Чевенгур. Роман и повести. М., 1990. 653 с.
39. Платонов 2004 – Платонов А. Том 1. Книга 2. Статьи. 1918-1926. М., 2004. 510 с.
40. Прокофьева 2005 – Прокофьева В.Ю. Категория пространство в художественном преломлении: локусы и топосы. URL: http://vestnik.osu.ru/2005_11/12.pdf
41. Проскурина 2012 – Проскурина Е.Н. Поэтика мистериальности в прозе Андрея Платонова конца 20-х – 30-х годов. Новосибирск 2012. 260 с.
42. Проскурина, Борисова 2014 – Проскурина Е.Н., Борисова А.Б. «Ганатология ранней прозы А. Платонова» // Сибирский филологический журнал. № 4. 2014. С. 51–60.
43. Проскурина – Проскурина Е.Н. Тезаурус смерти в прозе А. Платонова второй половины 1920-х – конца 1930-х годов. URL: <http://philology.nsc.ru/journals/sis/pdf/SS2015-2/14.pdf> (дата обращения: 10.05.16).
44. Проскурина 2015 – Проскурина Е.Н. Фаустиана Андрея Платонова (на материале прозы 1920-х – 1930-х годов) / Е. Н. М., Новый хронограф, 2015. С. 350. URL: http://www.philology.nsc.ru/elib/data/Proskurina_Faustiana_2015/Proskurina_Faust.pdf (дата обращения: 10.06.16).
45. Руднев 1997 – Руднев В.П. Словарь культуры XX века., М., Аграф, 1997. 384 с.
46. Савельзон 1992 – Савельзон И.В. Структура художественного мира А. Платонова. М., 1992. 160 с.
47. Садовников 2014 – Садовникова А.Г. О сущности человека и некоторых библейских мотивах в прозе Андрея Платонова. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-suschnosti-cheloveka-i-nekotoryh->

[bibleyskih-motivah-v-proze-andreya-platonova-povest-vprok-bednyatskaya-hronika](#) (дата обращения: 9.06.16).

48. Сейфрид 1994 – Сейфрид Т. Писать против материи: о языке «Котлована» Андрея Платонова // Андрей Платонов. Мир творчества. М., 1994. С. 303–319.
49. Скорospelова 2003 – Скорospelова Е. Русская проза XX века от А. Белого («Петербург») до Б. Пастернака («Доктор Живаго») М., 2003. 420 с.
50. Спиридонова 1994 – Спиридонова И.А. Христианские и антихристианские тенденции творчества Андрея Платонова 1910– 1920-х годов URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/hristianskie-i-antihristianskie-tendentsii-tvorchestva-andreya-platonova-1910-1920-h-godov> (дата обращения: 10.06.16).
51. Толстая 2002 – Толстая Е. Мир после конца // Работы о русской литературе XX века. 2002. С. 227–386.
52. Топоров 1994 – Топоров В.Н. Космогонические мифы // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2-х т. Т. 2. / Гл. ред. С.А. Токарев. М., 1994. С. 6–9.
53. Топоров 1994а – Топоров В.Н. Пуруша // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2-х т. Т. 2. / Гл. ред. С.А. Токарев. М., 1994. С. 351.
54. Фоменко 1985 – Фоменко Л.П. Человек в философской прозе А. Платонова. Калинин, 1985. 72 с.
55. Чалмаев 1989 – Чалмаев В.А. Андрей Платонов (К сокровенному человеку). М., 1989. 445 с.
56. Шестаков 1995 – Шестаков В.П. Эсхатология и утопия // Очерки русской философии и культуры. М., 1995. 208 с.
57. Шубин 1967 – Шубин Л. Андрей Платонов // Вопросы литературы. №6. 1967. С. 26–54.

Приложение 1

Приложение 2

Приложение 3

